

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л



РОМАН №6 ГАЗЕТА

«О Родине хочется думать...»



ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» 2019



ПАСЕЧНИК
Владислав Витальевич

Родился в 1988 году. В 2011 году стал лауреатом премии «Дебют» Фонда «Поколение». Публиковал прозу и критику в журналах «Урал», «Новая юность», «Вопросы литературы» и других изданиях.



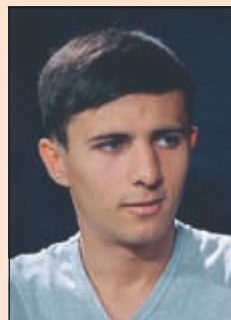
МИХАЙЛОВА
Ирина Евгеньевна

Родилась в подмосковном городе Люберцы. Училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Дебютная повесть «В сторону леса» опубликована в альманахе «Пятью пять» и вошла в лонг-лист премии «Дебют» (2008). Работает в школе.



ЖУКОВ
Максим Петрович

Родился в 1982 году в Астрахани. Проходил военную службу в «горячей точке». Публиковался в периодических региональных изданиях, а также на страницах литературного журнала «Российский колокол», израильского еженедельника «Секрет», газеты «Литературная Россия».



САВЕЛЬЕВ
Андрей Антонович

Участник самых напряжённых и драматических событий Русской весны. В 2012 году 16-летний автор был награждён именными часами от президента России за защиту русского флага от украинских националистов, а уже в 2014 вступил в Крымское ополчение. Воевал в Донбассе.



СИНИЦЫН Тихон Борисович

Родился в 1984 году в Севастополе. Стихотворения публиковались в альманахах: «Севастополь», «Зеленая лампа», «Артбухта» (Москва), «Образ» (г. Ленинск-Кузнецкий), журналах: «Введенская сторона» (г. Старая Русса), «Алые паруса» (г. Симферополь), «Культура Алтайского края» (г. Барнаул), газетах: «Литературный Крым», «Севастопольская газета», «Литературная газета» и др.



БИКМУЛЛИНА
Зарина Рашитовна

Родилась в Казани, студентка 3 курса МГУ им. Ломоносова. Автор четырех поэтических и прозаических сборников, лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов.



ЗНОБИЩЕВА
Мария Игоревна

Родилась в Тамбове. Публиковалась в периодических изданиях для детей и подростков («Костёр», «Юность», «Детская Роман-газета», «Жили-были», «Свет», «Пионер» и других). Лауреат ряда всероссийских литературных конкурсов.



Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин

Юрий Бондарев

Семен Борзунов

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

www.roman-gazeta-1927.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №6 /1851/ Основана в 1927 г.

«О Родине хочется думать...»

Сергей МИРОНОВ,

Председатель партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ,

Председатель Жюри литературной премии «В поисках правды и справедливости»:

«Нас объединяет семейная память поколений»

Литературная премия СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ и журнала «Роман-газета» «В поисках правды и справедливости» существует уже несколько лет. Её лауреатами стали авторы, определяющие сегодня лицо молодой литературы страны. Это Платон Беседин, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева, Дмитрий Филиппов, Юрий Лунин, Вячеслав Иванов, Павел Великжанин, Станислав Смагин, другие прозаики, поэты и публицисты из многих регионов России.

СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ системно работает с молодыми литераторами. Мы привлекаем к сотрудничеству авторов разных взглядов и направлений и надеемся, что нашему примеру последуют другие партии и общественные объединения, потому что литература — дело общегосударственное.

Я часто вспоминаю слова члена Жюри премии недавно ушедшего от нас выдающегося советского и российского критика и литературоведа Льва Аннинского. Он говорил, что любому начинающему писателю сначала надо обязательно прочитать Евангелие, иначе ему будет трудно понять русскую классику. А ещё он говорил, что России нужны новые объединяющие идеи. По его мнению, люди, у которых нет идей, могут легко пожертвовать тем, что нам бесконечно дорого, что составляет смысл нашей жизни — Родиной.

В произведениях победителей и лауреатов Премии продолжает жить и развиваться одна из самых главных, объединяющих многонациональный народ России идей — Победа советского народа в Великой Отечественной войне, 75-летний юбилей которой мы отмечаем. Напомню, что на фронт ушло 1200 писателей — известных и совсем молодых, 417 из них так и не вернулись домой.

Юбилей Великой Победы стал главной темой и содержанием большинства поступивших на конкурс произведений молодых авторов. Сегодня предпринимаются попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны, принизить роль Советского Союза в победе над фашизмом. Вот почему так важна для нас семейная память поколений. Она противостоит любым попыткам переписать историю. Эта память живёт в повестях, рассказах, стихах и публицистических статьях, представленных в этом номере журнала. Меня искренне обрадовало, что в конкурсе уже не за награду, а по зову души приняли активное участие многие победители и лауреаты премии «В поисках правды и справедливости» прежних лет. Я надеюсь, что их имена появятся на страницах «Роман-газеты».

В этом году партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ планирует провести ряд памятных мероприятий, одним из которых станет специальная выставка в Государственной Думе, посвящённая поэтам и писателям-фронтовикам. Надеюсь увидеть на ней и молодых литераторов, кому близка военная тема.

Хочу поздравить победителей, лауреатов, участников конкурса, поблагодарить членов Оргкомитета и Жюри премии за проделанную работу, пожелать всем нам быть достойными памяти поколений, одержавших Великую Победу.

ИЗ ПРОТОКОЛА Заседания Жюри Ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ

Москва, Государственная Дума

25 декабря 2019 года

Присутствовали:

Мионов Сергей Михайлович — Председатель Жюри Ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ, Председатель Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, Руководитель фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Татаринев Руслан Владимирович — Председатель Оргкомитета Ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ, Заместитель Руководителя Центрального Аппарата Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, а также члены Жюри.

С. М. Мионов объявил минуту молчания в память члена Жюри Премии литературного критика, философа Л. А. Аннинского, после чего высказал свои предложения по награждению победителей и финалистов Премии в номинациях «Молодая поэзия России», «Молодая проза России», «Молодая публицистика России» и «Молодая драматургия России». Председатель Жюри также рассказал об инициативе Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в 2020 году провести выставку в Государственной Думе, посвященную поэтам и писателям-фронтовикам, пригласил всех членов Жюри к сотрудничеству в вопросе подготовки выставки. Он напомнил, что на фронт ушло 1200 известных и начинающих литераторов. 417 из них не вернулись с войны. Чтить память о них — долг всех граждан России.

Р. В. Татаринев сообщил, что в 2019 году на соискание Премии поступили 268 заявок от представителей регионов Российской Федерации и восьми иностранных государств. Председатель Оргкомитета объявил о дате и месте Торжественной церемонии награждения, во время которой по традиции будут названы имена победителей и лауреатов ежегодной Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — 12 марта 2020 года, Дом Союзов.

Утвержден список победителей Премии в номинациях:

«МОЛОДАЯ ПРОЗА РОССИИ»

I место:

Пасечник Владислав Витальевич, «Триптих о войне» (Алтайский край).

II место:

Михайлова Ирина Евгеньевна, повесть «Я не боюсь» (Московская область).

III место:

Жуков Максим Петрович, роман «Багряные облака» (Астраханская область).

Савельев Андрей Антонович, повесть «Из кадетов в диверсанты» (Московская область).

«МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ»

I место:

Синицын Тихон Борисович, подборка стихотворений «Весна в диком поле» (г. Севастополь).

II место:

Бикмуллина Зарина Рашитовна, подборка стихотворений «1946-й» (Республика Татарстан).

Знобищева Мария Игоревна, подборка стихотворений «Ивовый прут» (Тамбовская область).

III место:

Панина Виктория Сергеевна, подборка стихотворений (Тверская область).

Козлов Кирилл Сергеевич, сборник «Музыка Вселенной» (г. Санкт-Петербург).

«МОЛОДАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ»

I место:

Артамонов Александр Германович, публицистические материалы, посвященные истории русской армии и 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (г. Москва).

II место:

Насретдинова Диана Рамильевна, Носкова Алина Алексеевна, цикл очерков, посвященных 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (г. Москва).

Толкачева Виктория Анатольевна, подборка статей о ситуации в Донбассе (Луганская Народная Республика).

III место:

Кильдяшов Михаил Александрович, цикл очерков о фронтовой поэзии «Мы могли бы говорить стихами» (Оренбургская область).

ПРОЗА

Владислав ПАСЕЧНИК

ТРИПТИХ О ВОЙНЕ

Роза

— Роза! Роза, я идти не могу... — сказал Валера тихо. Он сел на траву, этот маленький человек пятилетнего возраста, за которого только и побелело сердце Розы.

— Тогда я тебя понесу. — Двенадцатилетняя Роза бросила тяжелый узел с едой, и сама села тут же, рядом с братом, перевести дух.

Она смотрела на Валеру, удивляясь своим внутренним силам и своей любви к нему. Страшное пережили они с братом за эти полтора года, с того дня как началась война и отца забрали на фронт полевым врачом.

Мать умерла у Розы на руках: от бесконечных бомбежек у нее не выдержало сердце. Накануне девочке приснился сон, будто бегут они вместе по полю, и земля под ногами матери разверзается, и проваливается она в глубокий черный колодез.

Когда все случилось, Роза, как говорили соседки, сразу превратилась в «маленькую старушку»: суетливая, деловая, бойкая, она тянула за собой болезненного Валеру.

Наконец голод и одиночество погнали их из поселка. Сегодня утром дети вышли из Перевесинки и двинулись в сторону Ртищева, где жила их тетка. Шли в стороне от дороги, оврагами, пробирались через густой кустарник, чтобы скрыться от людских глаз. Всякое случалось на дорогах в это страшное время: детей могли изловить, ограбить, сдать в интернат, убить.

— Есть хочу, — проговорил Валера, вытянув перед собой слабые ножки в парусиновых брючках. Брючки эти сшили ему проезжие девочки-зенитчицы из листьев камуфляжа.

Роза развязала узел с хлебом. Здесь много было, узел казался очень тяжелым — хлеб вчера дали соседи, жалость к детям пересилила в них страх перед голодом.

Валера ел, мучительно сглатывая. Он редко видел хлеб в сиротской своей жизни. Так получилось, что осенью 1942 года хлеб для него пожинали мыши. Роза, среди других голодных детей, ходила по полю с Валерой, разбивая влажную серую скорлупу подтаявшего снега, в поисках мышиных «кладовых».

Голодный Валера тут же клал зернышки в рот. Роза одергивала его, думая про себя: «Скоро он подхватит мышиную болезнь».

Дома она рассыпала зерно на большой противень и ставила сушиться на печку, пока из него не выветрится зараза. Валера не мог ждать — едва сестра отворачивалась, он тут же вытягивался на цы-

почки, склевывал его тонкой бледной ручкой и отправлял в рот.

Однажды сосед дал Валере целую свеклу. Роза вошла в дом, увидела, как он грызет ее — сырую, неочищенную, — и расплакалась.

Едва сошел лед, дети вышли на реку. Стоя по колени в вешней воде, голыми руками собирали они беззубок. Вынутые из темно-зеленых раковин, сваренные в кипятке, моллюски приобретали некоторое сходство с пельменями. Роза видела: Валера на реке то и дело простывает, и это торопит его смерть.

— Знаешь что? — Роза погладила брата по голове. — Я тебя понесу. Узелок пока здесь полежит, я тебя понесу, а ты присматривай, чтобы не стащил кто.

Валера кивнул, и девочка подняла его, прижав к себе так, чтобы лицом он смотрел ей за спину, на лежащий в траве узел.

— Смотри, — повторила она.

За зиму брат стал легким, как котенок. Рубашонка едва держалась на его тонких плечиках. Роза шла медленно, чувствуя, как больное дыхание шумит в груди Валеры.

Был у нее и старший брат. Но от него осталось что-то совсем невесомое — желтенький треугольник письма в нагрудном кармашке. Звали брата Володя.

Отец уже был однажды женат. От первого брака у него и родился Володя. Мать, интеллигентная женщина по имени Фрося, вскоре после родов пыталась испечь Володю в печи, словно хлеб. Как говорили тогда, ей «молоко в голову ударило». Она усадила младенца на лопату и засунула в жерло печи. Володю спасли, а Фросю отец отвез в сумасшедший дом. На приеме у врача, прежде чем отец успел открыть рот, Фрося объявила: «Я тут вам мужа привезла, вы не слушайте, что он вам будет говорить, он полоумный».

Отец с ней развелся, но лет через шесть сошелся с другой женщиной и женился вновь. За свою жизнь он женился трижды, этот бедный врач в блестящих круглых очках, с толстыми мясистыми губами и темными скулами, означавшими, что где-то в жилах его бродит степная татарская кровь.

Роза и Валера родились от второго брака. Сестру Володя любил безумно, целовал, звал «мой Розанчик».

От Володи, да еще от отца только и видела она ласку.

Война забрала Володю сразу после школы. В ту пору всякий, кто окончил десятилетку, мог стать офицером. Володя поступил в артиллерийское училище и в конце 1942-го уже закончил его в звании лейтенанта. Когда умерла мать Розы, Володя приехал в село. Он вошел в дом, обнял Розу и Валеру, сказал: «Сиротки вы мои» и заплакал. Плакали втроем до утра. Потом Володя обошел всех соседей, всю родню и упросил не оставлять детей в беде, кормить иногда хлебом. Соседи согласились укрывать Розу и Валеру у себя, чтобы их не забрали в детский дом.

Через два дня Володя уехал. В первом же бою за ним приходила смерть. Раненный в ногу, он спасался от нее ползком, а смерть, полная механического гула, гналась за ним. Володя выжил — дополз до своих.

Писать Володя ленился. С каждым письмом он таял, удалялся, выветривался из жизни Розы.

Наступило лето. Роза знала, что Володя уже поправился и вернулся на фронт. Скоро его отправили на Курскую дугу. В середине июля пришло это последнее письмо. Заканчивалось оно так: «Знаю, что не увижу тебя больше, Розанчик... наступил перелом. Или мы их, или они нас». Чуть ниже Володя нарисовал розочку с улыбающейся девичьей мордашкой посередине.

— Роза... Узелка уже не видать, — подал голос Валера.

Роза оглянулась. Узел действительно скрылся в траве.

— Посиди, посиди пока здесь, — сказала она горячо и побежала назад. Она схватила узел за тряпичные уши и поняла, что поднять его уже не сможет. Тогда она потащила его за собой по траве.

Валера ждал ее, обхватив ручонками колени. Холод источил его кости, выдавил из груди важное жизненное дыхание. Роза не понимала, как этот пугливый и грустный мальчик дожид до весны.

В начале второй зимы топить стало нечем. Прежде были проезжие солдаты, которые запрягали в сани волов, ездили в лес, а местные дети шли перед ними и показывали дорогу. На вторую зиму солдаты появлялись в этих местах все больше раненные, и сани никто не снаряжал. Дети ходили по железнодорожной насыпи, выискивая куски непрогоревшего угля среди выброшенного из паровозных топков шлака.

Окончание холодов было отмечено зловещим знаменем: в поселке откуда-то появились крупные серые собаки. Их часто можно было увидеть возле дорог, где они трусливо рыскали, разгребая лапами мерзлую землю. Однажды во дворе школы они затеяли веселую и визгливую возню в снегу — тогда их собралось множество, и дети не решались подойти к школе, пока они не убралась.

Только потом Розе объяснили, что это были волки.

— Я тебя еще немного понесу, а дальше ты сам, хорошо? — Роза снова приподняла Валеру, отметив про себя, что его-то как раз тащить очень легко, потому что он узелку из птичьих косточек сродни, что это невесомое существо она бы на руках несла целый день и ни за что бы не устала.

И тут Валера тихонько запел песню, которую пел, бывало, зимними вечерами, устроившись возле печки: «Вот помру я, помру... похоронят меня...»

— Что ты такое поешь? — рассердилась Роза. — А ну перестань. Как такое можно петь?

Валера заплакал. Он вывернулся у Розы из рук и пошел, широко размахивая тощими ручонками. Он шел и плакал, вымученно и зло, а Роза шла рядом, позабыв про узел и про все на свете. Она не могла

придумать, что сказать сейчас этому маленькому человеку. Их двое осталось в холодный сиротский век.

Так прошли они еще несколько верст. День кончился тяжелым багряным закатом, дети спустились в один из оврагов и решили заночевать в нем.

Они обнялись отвернув лица от холодного звездного неба, и лежали так, согревая друг друга своим теплом. Роза слушала беспокойное дыхание Валеры — она не знала симптомов дифтерии, но каким-то чутьем понимала, что мальчик болен, уже, наверное, непоправимо.

— Я тебе письмо от отца показывала? — сказала Роза вдруг. — Демобилизуют его после контузии. В медицинскую палатку снаряд угодил. Отца нашли в нескольких шагах, он в пруд упал, ногами в воду, а головой на какие-то кусты. А так бы захлебнулся. Пишет, что, мол, говорит теперь плохо и плохо ходит... но приедет скоро. Обещает приехать.

Валера не отвечал, забывшись сном. Роза вздохнула и легонько коснулась губами его горячего круглого лба.

И вдруг какая-то древняя могучая сила расцвела в ней. Роза поняла, что сила эта всегда была с ней, росла и зрела уже очень давно, вопреки голодному веку, пробивая холодную наледь, пересиливая голод и страх. Сила эта была больше войны, больше смерти, и в то же время в ней было что-то от терпения и смирения, потому как только терпением и смирением можно победить зло. И с этим новым странным чувством Роза закрыла глаза.

Вовка

В прихожей опять гремят сапоги. Вовка затаив дыхание стоит босой на шатком стуле, как эквилибрист в цирке. Стоит ему чуть сместиться, и стул предательски скрипнет. Широкополое отцовское пальто скрывает его худощавую фигуру. Вовка не двигается и старается не дышать. Вот сейчас... сейчас его найдут и силой вытащат из нехитрого его укрытия. Потом заставят выпрямиться ровно, вытянуть руки по швам, а дальше... Что будет дальше, Вовка и представить не может.

Ему и теперь мерещится запах хлеба: отец работал на хлебокомбинате. Вовка хорошо помнит его лицо — черное сырое лицо одессита. От него всегда пахло хлебом и горячей печкой, хлебный жар собирался в уголках его глаз и губ, когда он улыбался и когда хвалил сына за хорошие отметки — Вовка делал большие успехи в математике. Сверстники завидовали, учителя пророчили ему будущее инженера или физика. Все изменилось очень быстро: отец оказался в тюрьме — осенью, когда немецкие войска подходили к Харькову, он раздал людям весь хлеб. В школу Вовка больше не ходил, слюдям учеба, доставлявшая ему такое удовольствие, разом потеряла

свое значение перед лицом грядущей страшной жизни. В воздухе стояло удушье, словно перед грозой...

Из прихожей доносится негромкий разговор. Говорят по-немецки и по-русски. По-русски — дурно. Смеются. Слышится испуганный голос матери. Вовка представляет ее в эту секунду — бледную, худую, опустившую руки на грязный фартук.

В прошлый раз не нашли. Может, и сегодня не найдут?

Сдали соседи. Сообщили куда надо, что в таком-то доме живет подросток пятнадцати лет. В тот раз обошлось. Приходили вечером. Спрятался так же — под пальто.

Вовка думает о соседях, что жили в доме напротив. У них была Наташка, его ровесница, долговязая чернобровая хохлушка. С ней они по выходным ходили на речку и бегали тайком от родителей в овраг на окраине города. Когда был отец, мальчик постоянно таскал для нее хлеб, но Наташка ему все равно завидовала. «Вишь, как, — говорила она, — у тебя папа пекарь, а был бы у меня такой папа, я бы каждый день вдоволь ела».

Вовка вспомнил Наташкиного отца — разговорчивого тучного мужика с неприятным глухим голосом, крупным рябым носом и сизой щетиной. «Он и сдал, жила рваная», — подумал Вовка.

Голоса все громче. Вот чья-то рука отодвигает пальто. «Ну вот, конец...» Вовка зарывается носом в воротник, крепко закрывает глаза. Запыленный хлебный запах — последнее, что он запомнит в своей прежней жизни. И еще пахнет чем-то острым, противным. Наверное, в кармане осталась лимонная корка...

Артиллерия работала уже несколько часов. До рабочего лагеря каждый залп доносился тугим шелчком. Прошел сильный дождь, и в траншеях стояла вода. Воздух тревожно накалился от мокрой каменной пыли, было тяжело дышать. Казалось, в этом тяжелом воздухе и крылась причина странных звуков — глухих ударов и резких шелчков. Заключенные — в основном подростки и молодые парни, — побросав лопаты и вытянув худые длинные шеи, вслушивались в сухие и грозные раскаты штурмовых орудий. Среди парней был юноша восемнадцати лет. Четыре года назад он звался Вовкой, а теперь стал просто номером, словно бы весь превратился в пятизначное число. Он не мог объяснить, как это произошло: из него просто вынули что-то и прицепили на полосатую куртку нашивку с пятью цифрами — 52731. Это случилось давно, в прошлую геологическую эпоху, и Номер 52731 не мог поручиться, что все было именно так. С тех пор он очень изменился: на круглой выбритой голове, на сером длинном лице чернели засохшие язвы — это с зимы. Глаза выцвели совершенно, левая, разбитая щека подрагивала, когда Номер 52731 пытался сосредоточить на чем-то свое внимание.

В последнее время он завел нервную привычку — жевать и кусать нижнюю губу. Иногда он докрасна

прокусывал ее и с наслаждением слизывал сочившуюся юшку. Соленый острый вкус на время возвращал его к жизни. Но чаще крови не было совсем. Это казалось Номеру 52731 досадным, и он долго сосал пустую, бескровную мякоть. «Если я еще иссохну, — думал он, — то меня, пожалуй, можно будет бросить в конверт и положить на стол блокфюреру». Он тешил себя мыслью о том, как покраснеет от гнева блокфюрер, как закричит: «Вы что мне опять подсунули? Через комендатуру! Всё через комендатуру!» Номер 52731 представлял себе эту сцену снова и снова, хотя в ней не было ничего забавного.

Эти четыре года Номер 52731 жил странной жизнью. По утрам на грязной полке рядом с другими телами он находил и свое тело, похожее на засохшего в оконной раме паука, долго и брезгливо в него вочеловечивался, потом тащил его, спутанное и вялое, на каменоломню, где и оставлял до конца рабочего дня. По вечерам он обычно пел в «музыкальной роте», составленной из узников-мальчишек. Так случилось, что от прежнего живого Вовки Номер 52731 унаследовал слух и звучный баритон. Только благодаря этому он продержался в лагере так долго. Немцы любили русские песни — «Катюшу», «Во поле береза стояла» и «Яблочко». Номер 52731 знал, что «музыкальная рота» — не самая худшая для него участь. Два или три раза он видел, как пьяные эсэсовцы запрягали мальчишек в тачку, и сами садились в нее. Дети во время таких катаний тоже должны были петь, их голоса срывались до хрипоты, а офицерня смеялась.

Номер 52731 ничего не боялся. Боялся Вовка — там, под отцовским пальто, и во время пересылки в Германию, — но теперь этого Вовки нет. Его поделили, он превратился в частное, сухой остаток под ровной прямой чертой, и даже воспоминания свелись для него к простой математической абстракции: Харьков, Наташка, мать, евреи с соседней улицы, которых забрали в тот же день, что и Вовку, но повели в конце концов не на поезд, а в овраг, в тот самый, куда любили лазать дети.

Потом все было еще проще: карантинный барак, филиал, корпус, в котором его поселили, — все это имело номера и жило по заведенному распорядку. Каждое утро в один и тот же час родители оставляли детей в бараках и отправлялись на работы, и с этим ничего нельзя было поделать. В определенные дни в назначенное время эсэсовские врачи увозили детей в лабораторию для «забора крови».

Вечером в бараки возвращались тряпичные куклы. Родители не плакали. Говорили только о том, что пружина на одной из форточек проржавела и скрипит на ветру, мешает спать и что нужно попросить у блокфюрера новую. Затем, в назначенные день и час детей опять забирали, и номера молчали по-прежнему, пряча боль и страх в уголках глаз. Маленькие дети не жили долго, но через некоторое время в лагерь привозили новые семьи.

Весь этот процесс укладывался в простую математическую формулу, правда, Номер 52731 никак не мог

ее вывести. Что-то выбивалось из выстроенной системы, не имело еще абстрактной величины. Смутные запахи хлеба и лимонной корки... Номер 52731 уже не мог вспомнить, когда их обонял, хоть и напрягал память. В редкие минуты отдыха, сидя возле опустевшей тачки, он с трудом ворочал в уме неподъемные, непонятные слова: хлеб, отец, дом. Он складывал и умножал эти слова, но ни одно произведение, ни одна сумма не были и близко похожи на смутное чувство, одолевшее его. А может, ничего и не было? И дома, и Харькова... и оврага того страшного не было?

Ухнуло опять — на этот раз совсем близко, в лагере. Заключенные побежали. Номер 52731 тоже вскочил, как перепуганный зверь, и метнулся за ними. Он понял все, понял очень быстро. Вокруг кричали на разных языках — на русском, немецком, английском: «Бунт! В лагере бунт! Нужно бежать! Союзники близко, они на подходе, все лагеря поднялись, нужно бежать!»...

И Номер 52731 бежал. Это у него получалось не очень хорошо — заплетались бумажные ноги. Вокруг бежали такие же тонкие человечки, в таких же полосатых робах с номерами. Воздух, тяжелый от сырой пыли, гремел, шелкал и разрывал грудь изнутри.

Некоторые номера уже преодолели ограждение и бежали в сторону леса. Стрекотал пулемет, один за другим бумажные человечки падали на землю.

Тут Номер 52731 остановился. Затравленное тело среагировало куда быстрее, чем голова, оно распрямилось само собой, руки вытянулись по швам. На несколько секунд Номер 52731 даже перестал дышать. Дуло — пустое и черное — заглянуло ему в глаза. Охранник не двигался, но в его фигуре чувствовалось напряжение взведенной пружины.

«Он ненамного старше меня, — подумал Номер 52731. — Он напуган, сейчас он меня застрелит».

Молодой солдат замешкался. Он, конечно, выстрелит, если Номер 52731 сделает резкое движение. Лицо охранника показалось ему знакомым. Кажется, он бывал раньше на вечерах их «музыкальной роты». Может ли так случиться, что он не выстрелит? «Нет, не может такого быть, глупости. Это что-то из той, небывалой жизни. Миловать они не умеют. Они хорошо умеют другое: вываривать из нас мыло, травить тифом, спускать из вен кровь. Остальное выпадает из их уравнения».

— Zurück! — проговорил охранник вполголоса. — Zurück in die Lagermitte!

Ноги, привыкшие к повиновению, развернулись против воли. Бежать обратно было куда легче. Ноги двигались сами собой, теперь ими управлял настоящий животный страх. Только один раз Номер 52731 оглянулся и увидел, как что-то страшное и невидимое накатило на лагерь. Это было как вспышка молнии: всё застыло на секунду, и раздался громовой удар — кто-то закричал по-русски: «Парашюты! Парашюты!» Затем переломился последний рубеж, формула, соединявшая всех этих людей, рассыпалась, в ней спутались переменные. А потом всё вдрут

встало на свои места: охранники, которые стояли за ограждением, тут же скатились по внешней стороне насыпи и исчезли из виду. На секунду Номер 52731 представил, как они бегут мимо распластанных полосатых тел, не останавливаясь, не глядя под ноги, как бледнеют их фигуры, истончаются, исчезают и, наконец, просачиваются под землю, словно талая вода. Только новый громовой раскат развеял это навяждение.

Больше он не оглядывался. Он бежал, спотыкаясь и падая. Дорога вела под гору, тут и там на вытоптанной земле лежали обглоданные куски породы. Номер 52731 уже не прилагал усилий, чтобы бежать, — сил просто не осталось. Он мчался вниз, зная, что вот-вот упадет и ни за что уже больше не встанет. А потом он потерял равновесие и провалился в глухой черный холод...

На мгновение темнота расступилась. Номер 52731 приподнял голову над водой, судорожно заглотнул воздух и поплыл. Шурф был неглубокий, но частые дожди наполнили его до краев. Руки скользили по оплывшей глине, полосатая куртка, тяжелая от воды, тянула вниз. Последний раз он вынырнул, ища хоть какую-нибудь опору, но вода ослепила его, и ничего, кроме яркого света, он не увидел. Затем гулкая темнота снова сомкнулась над головой.

Рука протянулась из ниоткуда, ухватила его за шиворот и вытащила наверх. Оказавшись на земле, он еще некоторое время не видел и не слышал. Между тем кто-то возвышался над ним.

Отдышавшись, Вовка увидел десантника, огромного белозубого негра. Он весь был улыбкой: улыбался его рот, улыбались глаза, каждая морщинка на высоком лбу и каждая складочка в уголках губ. Вовка не знал английского, а если бы и знал, у него все равно не хватило бы сил, чтобы говорить. Он просто стоял на ломких ногах и мелко трясся перед этим чернокожим великаном. Но десантник ничего не ждал от него, он просто глядел на Вовку и улыбался. Так не смотрят на бумажное уравнение, так могут смотреть только на живого человека. Улыбка эта обещала будущее — хорошее и дурное. Математически она была проста как дважды два.

Максим

Рассвет выгнал Максима Курипко из траншеи. Он выбрался наверх, уставший, голодный и почти незрячий после громкой бессонной ночи. Вчера был дождь, в траншеях стояла мутная вода. Курипко набрал ее во флягу, бросил туда таблетку очистителя и, не дожидаясь, когда она растворится совсем, жадно выпил.

Ночью он отстал от роты. Была страшная суматоха, наступали без команды, без смысла. Когда приходили приказы, было уже непоправимо поздно, уже рвались снаряды, и сотни людей становились глиной.

В рытвинах от колес стояла маслянистая вода. Овраг справа от дороги был забит человеческими и конскими трупами, в небе кружились вороны. Вдалеке горел город. Всюду на земле лежали мертвые: свои, враги и даже страшные штурмовики-«западники», «законченные», еще до смерти умершие люди. Вчера они прибыли с Западного фронта на десантном корабле, увешанные орденами, гордые и опасные, вчера они бросили в порту своего командира и двинулись вперед, и всю ночь рокотало впереди, в небе и в траншеях было беспокойно, а он, Максим, из простых солдат, сидел под дождем, накиннув на себя отпоротую половину плащ-палатки.

Эта половина и сейчас была при нем. Плащ-палаткой с ним поделился сержант Клипин. Свою Максим сдал в хозяйственный обоз, как раз перед тем как загрохотало — в небе и на земле. Теперь брезентовая половинка тяготила его смутным беспокойством. «Увижу Клипина — верну», — решил Курипко.

Солдат шел вдоль дороги. Он, кажется, совсем потерялся, ни одного живого человека вокруг, а всё только трупы и взрытая земля. День был жесток к солдату. Он принес холодный северный ветер и тучи воронья. Вороны садились на ветки, прыгали среди неподвижных тел, выклевывали у них глаза, а главное — гремели в зияющем небе над головой Максима.

И вот Курипко, бывший охотник, остановился, вскинул винтовку и дал залп в небо, по птицам. Одна из ворон упала на землю. Стая рассыпалась со страшным гвалтом. Он выстрелил еще раз, а потом еще и еще. После каждого выстрела на землю падал мертвый враг.

Максим торжествовал молча. Он думал, как правильно и хорошо, что он — теперь уже не совсем солдат и совсем не человек — вот так стоит и стреляет по воронью.

Вороны разлетелись прочь. Их черное войско было разбито одной только винтовкой Мосина. Небо прояснилось, не стало хриплого карканья, и солдат отправился дальше. Спустя какое-то время он обнаружил, что дорога, по которой он идет, ведет его не к цели, не к горящему городу, где еще слышались выстрелы, а куда-то в сторону. Но он не замедлил шаг. Внутри у него что-то еще надрывалось вороньим гвалтом, а в ноздрях свербил запах прибитой пыли.

Откуда-то из-за поворота появилась полевая кухня. Она двигалась торопливо и шумно, подпрыгивая на ямах и кочках, испуская клубы ядовитого дыма. Кухня не сбавляла скорость, и не было сомнений, что она промчится мимо.

Тогда Курипко снял с пояса последнюю гранату и вышел на середину дороги, расставив руки в стороны. Кухня громко чихнула и встала. Из нее выскочил уставший шофер — солдат с измученным лицом. Он понял, чего хочет от него Максим, что не ел он, наверное, очень давно, может, два или три дня. В машине были хлеба, теплые, как нагретые валуны, шершавые и темные. Курипко жевал сосредоточенно, тяжело вздыхая, проглатывая сразу помногу.

В эту минуту его занимала только еда, и ничего больше. Рухни сейчас скалы, окружавшие его, он ни за что не прекратил бы есть.

Вот кухня уехала, и Курипко двинулся дальше по дороге. Вскоре он вышел к широкой бухте. Солнце поднялось высоко, и можно было скинуть с себя всю одежду, пробежать по пляжу, окунуться в холодный прибой и поплыть прочь от берега. И вот он, который никогда еще не плавал голышом, заплыл очень далеко, так что и про берег забыл, а море подхватило, одолело его, и не мог он ничего сделать, кроме как лечь на спину и совершенно отдаться течению.

И тогда из его тела вдруг ушла судорога, которой он прежде, кажется, и не замечал или успел каким-то образом к ней привыкнуть. А затем пришло воспоминание — короткое, смутное, как позавчерашний сон, о том, что осталось в траншее, скрытое грязной водой... Максим выбросился на сушу, рыхлый как морская пена, и высох, остался на камнях тонким соляным осадком. Когда же он пришел в себя, вокруг по-прежнему не было ни души. Солнце стояло в зените, вдали полыхал город.

На камнях среди одежды лежал обрывок плащ-палатки.

«Нужно вернуть Клипину», — вспомнил Максим.

Он смешно прыгал на камнях, натягивая порты, когда со стороны города появился человек, японец. На нем не было погон, но по форме и выправке Максим узнал в нем офицера. На лбу у него белела марлевая повязка. Максим нагнулся за винтовкой и замер, не сводя глаз с японца: таких убивали, не пропускали мимо. Офицер тоже остановился и смотрел на солдата.

— Иди, — прошептал Максим одними губами, — иди.

Офицер, конечно, ничего не мог услышать, но как-то понял намерение Максима и двинулся дальше. Вид у него был, кажется, такой же потерянный, что и у Курипко. Затем он исчез, и Максим сразу забыл о нем. Он решил идти в город. До того он не вполне понимал, что и зачем делает, но теперь не было в нем прежней непонятной судороги, и он знал точно, что нужно найти своих и отдать Клипину его брезентовую половинку.

Дорога к городу поднималась от самого берега. Среди холмов виднелись просевшие, обвалившиеся доты. Холмы, еще утром неприступные, кишевшие злой пчелиной жизнью, теперь были пусты. Только кое-где ходили страшные люди с винтовками — высматривали, не шевелится ли кто среди обломков. По дороге навстречу Курипко двигалась колонна пленных: уголовники вели арестованную жандармерию. Зеки шли гордые, довольные тем, как распорядилась ими судьба. Вчера они напоили водителей и двинулись в город. К утру улицы уже были охвачены пламенем, а земля дрожала от страшного мужицкого разгула.

— Не видели сержанта Клипина?

— Клипина? Не знаем такого.

Вот и город. Воздух в нем сизый, потяжелевший от дыма. «Западники» захватили спиртзавод и выставили по периметру бойцов с винтовками. Всем желающим разливали спирт — во фляги и банки. Возле ворот дымил штурмовик, из самовольных атаманов, — уставший мужик с недавним шрамом на шее.

— Это немец штыком меня, — рассказывал он, поглаживая острый кадык. — Я тогда чуть-чуть не кончился.

Командир штурмовиков, молодой полковник, рассеянно курил рядом, то и дело одергивая китель, касаясь невзначай кожаной портупей. Лицо его было серым и неподвижным. Вчера он, гордый и грозный хищник, стоял на носу десантного корабля. Он велел штурмовикам остаться в порту и ждать прибытия генералов, но кто-то из этих закопченных, замасленных солдат — может, и тот, что болтал и чесал кадык сейчас, — кто-то из них крикнул ему: «Командир, оставайся в порту, остальные — за мной!» И ничего не мог сделать полковник, кроме как нервно вытянуться перед этими головорезами, не сказав ни слова, сжав зубы.

Приехали генералы. Поняли всё без вопросов, покачали головами. «Мы так и думали», — сказал один. «Это вина не ваша. У них там свои... “командиры”, — сказал другой. — Всё мы понимаем». А полковник нервно стоял перед ними навтыжку, как будто мученическая поза могла что-то изменить или оправдать его беспомощность.

— Не видели сержанта Клипина? — спросил Максим штурмовиков.

— Нет, не видели, — отвечали «западники» угрюмо. — А ты не стой, сядь, что ли, выпей с нами.

— Да не могу. Мне найти надо.

— Ну хоть во флягу намери!

— Во флягу — можно.

На окраине стоял буддийский храм. Во дворе лежал мертвый монах в странной одежде с желтыми кисточками. В храме хозяйничали саперы — день кончался, в воздухе звенели комары. Курипко остановился возле монаха. Неподалеку сидели саперы. Они вели свою беседу, глядя на мертвого человека в диковинных одеждах ровно и бесстрастно, как на что-то простое и ясное, вполне приемлемое в их спокойных жизнях.

— Форсировали мы реку, — говорил один из них, — ну как мы... я и еще один дурак... Переправили нас на «амфибиях», высадили, дали по железному пруту: идите, мол, пошуйте — нет ли на берегу мин. Я вот сейчас думаю: может, на нас хотели огонь вражеский вызвать? А тогда не думал. Ну вот, иду я, значит, гляжу: домик двухэтажный, ага... Во дворе кони запряженные. Я, дурак, захожу внутрь, смотрю: котелок с кашей, нож с костяной ручкой да фуражка офицерская. На второй этаж отчего-то ходить не стал. Кашу съел, нож прихватил. А потом уже, когда в наступление пошли, туда наши командиры сунулись — нашли на втором этаже трех японцев... Кок-

нули их, конечно... А представляете, если бы я туда сунулся?

— Не видели сержанта Клипина? — спросил их Максим.

— Клипина? Ну видел я вашего Клипина, — ответил один из саперов. — Он с двумя дурнями дот закрывать пошел. Его из того дота пулеметом и прошило. Только и видно было, как патроны из патронташа на землю сыплются.

— Вот как получается... — Курипко выпросил у сапера папироску, закурил.

— Спирт есть? — поинтересовался кто-то.

— Ну, есть немножко. — Курипко показал флягу.

— Это хорошо. Оставайся тут ночевать, — предложили саперы. — Мы здесь денька на два задержимся.

— Ну хоть и так... — согласился Курипко, думая, как бы ему отыскать своего командира.

Заночевать в храме не получилось: через час явился какой-то человек в штатском и велел уходить.

— Местные вам монаха не простят, — говорил он нервно.

— Мы, что ли, попа этого убили? — возмутились саперы. — Когда мы пришли, он уже готовенький лежал.

— Все равно уходите. На сопки уходите, там и переночуете. А здесь нельзя.

Когда поднялись на сопки, сделалось уже темно, к тому же с моря поднялся густой туман. Курипко вдруг оказался один, пробовал кричать, но не докричался, а только сорвал голос.

Тогда он нашел себе укромную впадинку, постелил на землю половину плащ-палатки и задремал. Было темно, сыро и тепло. Курипко задохнулся от этого морского духа и быстро заснул. Последнее, о чем подумал, что сержант Клипин пожадничал: мог бы отдать ему всю плащ-палатку, прежде чем умереть.

Он спал уже крепко, когда чья-то рука больно толкнула его. Максим открыл глаза. Над ним склонился японец, точь-в-точь как тот, которого видел Максим в бухте. Курипко зажмурился и тряхнул головой. Японец не исчез, и это точно был он! Даже повязка, кажется, была на прежнем месте, только чуть-чуть съехала на висок от сырости. На плечах виднелись тени от погон.

Еще стоял густой туман, и лицо японца выступало из серой мглы, как лицо привидения.

Он произнес что-то и махнул рукой. Максим приподнялся, упершись локтем в холодную сырую землю. Все тело болело от холода. Он, наверное, замерз бы насмерть до утра.

Японец снова махнул в сторону, и Курипко наконец увидел неясный огонек вдаль — искорку костра.

Чей это костер? Друзья или враги греются возле него?

Максим встал и нетвердым шагом двинулся к огню. Японец шагнул в туман и навсегда исчез.